

С.П. Орленко (Москва)

ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕР ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ ВЯТКИН (ок. 1615–1688)

Среди научных работ, в которых рассматривалась деятельность Оружейной палаты (Оружейного приказа) XVII в., число исследований биографического характера о мастерах этого ведомства невелико. Небольшой биографический очерк, посвященный знаменитому оружейнику Никите Давыдову, содержит статья Ю.В. Арсеньева¹. Имена лучших мастеров, создававших огнестрельное оружие в дворцовых мастерских в XVII в., были названы Н.В. Гордесвым в статье, опубликованной в сборнике трудов Государственной Оружейной палаты в 1954 г.² Существенно уточнить и дополнить представление о мастерах Оружейной палаты первой половины XVII столетия позволяет исследование М.Н. Ларченко³. Другая работа этого автора посвящена так называемым польским мастерам, трудившимся в Оружейном приказе во второй половине XVII в.⁴ Над исследованием о деятельности иноземных (западноевропейских) мастеров Оружейной палаты в настоящее время работает сотрудник сектора оружия Музеев Московского Кремля Е.Я. Яблоцкая.

Определить авторов ряда произведений оружейного искусства XVII столетия удалось составителям музейной описи 1886 г.⁵ Включения биографической информации, главным образом касающиеся времени службы того или иного мастера в Оружейной палате, содержат многочисленные научные описания оружия из собрания Музеев Московского Кремля, опубликованные в каталогах российских и зарубежных выставок.

Для реконструкции жизненного пути людей средневековья наибольшую трудность зачастую представляет выяснение сведений, с

которых, собственно, должна начинаться любая биография. Время и место рождения Григория Вяткина нам неизвестны. Самые ранние сведения, которыми мы располагаем, связаны с его профессиональной деятельностью в Оружейной палате.

О том, что Григорий Вяткин, чью деятельность ранее было принято относить сугубо ко второй половине столетия, трудился в Оружейной палате уже в 1643 г., писала исследователь М.Н. Ларченко⁶. Внимательное прочтение челобитной мастера позволяет с относительно высокой точностью выяснить время его поступления на службу. В документе, датированном 21 ноября 158 г. (1649), мастер пишет: «Служил я холоп твой блаженные памяти твоему государеву отцу государю [м.т.] Михаилу Федоровичу и тебе великому государю лет с пятнадцать»⁷. Следовательно, Г. Вяткин поступил в Оружейную палату около 1635 г. К сожалению, в документах не указано, был ли он принят мастером или зачислен в ученики. Последние также считались состоящими на государевой службе и получали жалованье из казны. Годовых денежных и хлебных окладов ученикам, как правило, не назначали, а давали поденные кормовые деньги и выплачивали небольшие пособия на одежду и обувь⁸. Так или иначе, при зачислении в Оружейную палату Григорий едва ли мог быть намного моложе пятнадцати или существенно старше двадцати пяти лет. Таким образом, с большой долей условности можно обозначить время рождения Г. Вяткина – около 1615 г., с допустимым отклонением в 5 лет в ту или другую сторону.

В челобитной 1649 г. названа и его специальность – «Оружейные палаты сананальный (самопальный. – *Прим. авт.*) мастер». Многолетняя служба выступает основанием для просьбы о повышении оклада: «Вели, государь мне холопу своему учинить прибавки своего государского жалованья чем тебе государю Бог известит». Подтверждением того, что в конце 1649 г. Григорий Вяткин был уже зрелым мастером, может служить его наставническая деятельность. В ноябре же 1649 г. мастер привел в Оружейную палату своего ученика Василия Титова, которого выучил «чему сам умеет». «Скаска» – характеристика, которую Григорий дал своему ученику, – позволяет составить представление и о его собственной специализации в Оружейной палате: «Золотом наводить ... да сверх того стволы и замки пицальные делает всякие и золотит кованым и пареным золотом и травы режет и всякое самопальное дело делает»⁹.

К сожалению, документов, освещающих деятельность Оружейной палаты 30-х – нач. 50-х гг. XVII столетия, сохранилось очень немного. В росписи походной казны, которая была с государем Алексеем Михайловичем в Смоленском походе 1654 г., присутствуют несколько работ Григория Вяткина. «Пара карабинов красных. В трех местах травки сечены, позолочены. Замки Григорьева дела Вяткина. Станки немецкого дерева пестрово Ларионова дела Дементьева. Без оправы». Среди пицалей второй была записана пицаль «Тимофеева дела Лучанинова, станок Ларионова дела, по местам раковина. Замок Григорьева дела Вяткина...» Третьей и четвертой в росписи походной казны записаны пицали, у которых Григорием Вяткиным были выполнены и стволы, и замки. Среди новых пицалей второй записана совместная работа двух мастеров братьев Вяткиных: «Пицаль винтовальная, ствол Кондратьева дела, а замок Григорьева дела Вяткина. На стволе наскапы травки небольшие, а станок с раковинами и с рыбьими костями Ларионова дела Дементьева»¹⁰. Таким образом мы видим, что работы Г. Вяткина как замочного, и особенно ствольного, мастера оценивались довольно высоко.

В росписи 1649 г. самопальные мастера Григорий и Кондратий Вяткины фигурируют с одинаковым окладом – «денег 12 рублей хлеба 14 чети ржи овса тож»¹¹. В дальнейшем судьба братьев. Имя Кондратия Вяткина пропадает из документов Оружейной палаты и в 1651 г. встречается в списках служилых людей Иноземского приказа. В приказной памяти воспроизводится челобитная Кондратия, где указана его должность: «В прошлом во 162-м (1654) году мая в 23 день [бил челом] государю [м.т.] Алексею Михайловичу рейтарского строя ружейной дозорщик Кондратей Микитин сын Пильников Вяткин»¹². Из документа становится известно личное прозвище отца братьев – Никита Пильник, вероятно связанное с родом его занятий – изготовлением пил. Не исключено, что отец Григория и Кондратия мог иметь отношение к оружейному делу. Пильники делали пилы и терпуги (напильники) для мастеров Оружейной палаты. Свои пильные мастера работали и при Ствольном приказе¹³. Возможно именно от отца оба брата Вяткины получили свои первые навыки работы с металлом.

Вступление России в войну на западных рубежах и присутствие государя на театре военных действий потребовало походной службы и от оружейников. 18 мая 1654 г. царь Алексей Михайлович

выступил из Москвы в поход «на недруга своего, на Польского и Литовского короля Яна Каземера»¹⁴. Отправился с государем на войну и Григорий Вяткин. «В прошлых во 162-м (1654) и во 163-м (1654–1655) годех... были за ним великим государем в походе со оружейною казною под Смоленском и под Вильнею Оружейной палаты разных дел мастера Григорей Вяткин с товарищи»¹⁵. Использование в документе формулировки «Григорий Вяткин с товарищи» дает основание полагать, что он был старшим среди мастеров, сопровождавших государеву походную оружейную казну¹⁶. Согласно приходу-расходной книге, по возвращении из похода Григорий Вяткин делает в Оружейной палате «ствольные дела»¹⁷.

15 мая 1656 г. государь Алексей Михайлович выступил из столицы в поход на Ригу. Мы знаем, что в этом походе Григорий Вяткин возглавлял группу из одиннадцати оружейных мастеров, четырех самопальных¹⁸ и двух сторожей, состоявших при походной оружейной казне¹⁹. Известно, что «главный мастер» Оружейной палаты – Никита Давыдов – в военных походах 1650-х гг. участия не принимал, а остался в Москве и делал «приказные дела»²⁰.

После возвращения из похода Г. Вяткин продолжает трудиться в Оружейном приказе. Согласно записи в расходной книге, 25 июня 1657 г. «Григорью Вяткину ... велено вновь сделать пистоль»²¹. В конце августа 1657 г. пожалования сукном «за ствольные, замочные и станочные дела» удостоились Григорий Вяткин, Василий Титов и Евтифей Кузовлев. Григорию досталось четыре аршина «сукна доброго лупдышу». В данном деле пахоятся документы о пожаловании мастеров за так называемые взносные дела. Мастера представляли в Оружейную палату готовые изделия «со всем в отделке», оружейничий Б.М. Хитрово оценивал уровень работы и, если признавал его достаточно высоким, то «вносил» это оружие «вверх» к царю Алексею Михайловичу, а «пришел сверху», как правило, велел писать указ о награждении мастеров. К сожалению сведений о том, что именно за оружие представил Григорий Вяткин, не сохранилось. Возможно, это был пистолет (или пара), который ему велено было сделать в июне, а станок к оружию изготовил Евтифей Кузовлев.

Чрезвычайно важной стороной деятельности Оружейной палаты было изготовление вещей для ежегодного поднесения государю «к неделе Святые Пасхи». Для руководства Оружейного приказа это была прекрасная возможность представить государю результа-

ты деятельности своего ведомства, а для мастеров — возможность получения наград. Для пасхального подношения должны были изготавливаться предметы наивысшего качества и красоты. Разумеется, деятельность мастеров не исчерпывалась изготовлением только «подносных дел», но именно эта задача позиционировалась как приоритетная. Вещи делали не произвольно, а «по паряду», составлялся особый «розметный список», в котором указывалось, кто из мастеровых людей что должен представить к весне. Состав подносных вещей не был постоянным. Ряд предметов присутствуют во всех известных списках — «что у государя было в подносе», другие появляются эпизодически или вовсе однократно. Последнее обстоятельство в значительной степени зависело от конъюнктуры — в первую очередь от увлечений государя. Вознесенные «в верхи» вещи через некоторое время (обычно несколько недель) сносились «сверху»²² и передавались в Оружейную казну. Особо поправившиеся предметы могли быть оставлены у государя «в хоромех».

За подносное дело 1661 г. «как они были мастера у руки великого государя в нынешнем 169-м году апреля в 18 день» за «нару стволов пистольных наводных золотом» Григория Вяткина весьма щедро наградили деньгами в размере годового оклада — дали 25 рублей²³. Сохранилась роспись мастерам и оружию, сделанному для пасхального подноса 1663 г. В статье «Пищали и карабины и пистолы и иное мелкое ружье» первым номером записана «Пищаль винтованная ствол о 6 винтах, замок шкочкой травчатый, золочены сплошь. Делал и золотил Григорий Вяткин. Станок яблоневой с оправою серебряною золоченою делал Ефтифей Кузовлев». За подносное дело Г. Вяткин был пожалован сукном и камкой²⁴. Имя первостатейного мастера Григория Вяткина и вещи, над которыми он работал, фигурируют во всех полных «росписях подносных дел» 1660-х — 1680-х гг. В собрании Музеев Московского Кремля сохранилось несколько десятков предметов ручного огнестрельного оружия работы Григория Вяткина.

Наиболее характерными для Вяткина изделиями можно считать пищальные и пистольные стволы, богато украшенные растительным орнаментом (травчатые) в технике обрешотанной резьбы и насечкой золотом. Орнаментальные элементы чередовались с геральдическими изображениями и гладкими участками ствола, часто золочеными. Как правило, оружие работы Григория Вяткина имело «замки шкочкие» (англо-голландского типа). Деревянные

части оружия изготавливались лучшими стапочными мастерами из яблонявого, «чипрасового» (кипарисового) или «немецкого» дерева и нередко инкрустировались костью и перламутром. Серебряные оправы для оружия, в ряде случаев украшенные эмалью и драгоценными камнями, делали мастера дворцовой ювелирной мастерской — Серебряной палаты. Следует отметить, что с 1660-х гг. Г. Вяткин вовсе перестает делать карабинные стволы. Достигнув зрелости, Григорий больше не делает замков к стволам работы других мастеров, зато нередко использует чужие замки для стволов собственной работы.

Хотя Вяткин имел специализацию самопального (ствольного и замочного) мастера, в производственной практике Оружейного приказа ему и другим мастерам приходилось выполнять самые разные работы. К 1664 г. относится время создания Григорием пары стальных бутурлыков (поножей) для царя Алексея Михайловича²⁵. В 1665–1666 гг. Григорий Вяткин перековывал для царевича Алексея Алексеевича булатную сабельную полосу²⁶. Вероятно, в конце 1666-го — начале 1667 г. Вяткину довелось поработать над украшением восточного доспеха. «175-го (1667) февраля в 23 день великий государь [м.т.] Алексей Михайлович указал зделать в приказе Серебряные полаты в Оружейную полату к своим великого государя к зеркалам булатным персицким наводным Григорьева дела Вяткина, вооруду серебряную золоченую резную»²⁷. В росписи «кто что каких дел делал великому государю в поднос к неделе Святыя Пасхи» 12 апреля 1667 г. помимо двух пищалей значатся «зеркала булатные четверные наводные и золочены местами, Григорьева дела Вяткина. Оправа на золотной тесьме серебряная золоченая»²⁸.

Значительной вехой в профессиональной биографии мастера становится 1669 г. До нас дошла копия «розметного списка» — производственного плана Оружейной палаты: «Григорию Вяткину велено делать зеркала против государевых Больших зеркал и навести на них золотом печати государственныя. А у того дела велено с ним Григорьем быти сыну ево Афонасью, да ученику ево Игпашке Прохорову»²⁹. Образцом для зеркал должен был послужить доспех 1616 г. работы Дмитрия Коновалова и Андрея Тирмана³⁰.

Конструктивно зеркала 1616 г. и созданные Г. Вяткиным почти идентичны, но количество пластин, из которых состоит доспех 1670 г., несколько больше — 40 против 36-ти. Внешне декор Больших госу-

даревых зеркал и доспеха, над которым работал Григорий Вяткин, очень схожи. В обоих случаях использован один прием – доски доспеха проработаны короткими долами, гладкими и орнаментированными через один в шахматном порядке. Однако сами дольки на пластинах зеркал украшены золотом разным образом. В отличие от «немца» Андрея Тирмана, использовавшего характерные для оружейников Западной Европы техники травления и золочения, Григорий Вяткин декорировал доспех в традиционной для русских мастеров технике насечки золотом³¹. В 1679 г. Григорию, да сыну его Афонасию Вяткину, да Василию Титову были отпущены деньги на железо, на снасти и на уголье. Велено было «сделать ерихонскую шапку, против образца которая снесена в Оружейную палату от государя сверху»³².

Иногда Г. Вяткин получал довольно оригинальные задания. Летом 1672 г. ему «по указу великого государя, велено зделать к древку топному потешному, змей пружинных железных, чтоб по тому древку змей бегал»³³. Вторая половина XVII в. – время бурного расцвета парадно-церемониальных пований при русском дворе. Среди пований было появление при встрече иностранных посольств конных сотен с чрезвычайно эффектным и экзотичным вооружением и экипировкой. Одним из впечатляющих предметов вооружения таких всадников должны были быть «копья з змеями». В 1670-е – 1680-е гг. закрепленные на древках копий змеи представляли собой весьма серьезную конструкцию. Головы змей со стеклянными глазами предположительно делали из бумаги (наше-маше?)³⁴. В 1675 г. в Оружейную палату был приобретен пуд бумаги: «Та бумага куплена к змеинному делу на копья... а стекла к змеям на глаза»³⁵. Хвосты змей были выполнены из ткани и имели каркас из черемуховых прутьев. Крылья и языки змей изготавливались из жести (белого железа). Правда, пружин у них не было, друг к другу и к древкам копий элементы конструкции (видимо, ограниченно подвижные) крепились ремнями. Снаружи змеи оклеивались «медной шумихой» (предположительно фольгой, мишурой). Древки копий украшались цветной бахромой и тканевыми «лопастями»³⁶. Возможно, Григорию Вяткину в 1672 г. было поручено изготовить экспериментальный вариант такого «змеевого копья».

Записи в приказных документах говорят о том, что один из видов работ, к которому Григорий Вяткин периодически привлекался на протяжении многих лет, было «пушечное золочение». С 1660-х гг.

железные золоченые парадные пушки, гладкоствольные и нарезные, русского и немецкого дела фигурируют в составе «подносных оружейных дел». Сверкающие пушки Алексей Михайлович возил за собой в походы в ближние государственные села. Парадные орудия выставлялись во время встреч иностранных посольств. Весной 1662 г. государю бил челом ствольный мастер Ивашка Костянтинов, жаловался, что «в нынешнем государь во 170-м (1662) году на Сырной неделе по твоему государеву указу дано нам холопом твоим твое государево дело – две пушки винтовальные... И дало твое государево жалование Григорию Вяткину пятнадцать рублей, Григорию Вяткину десять рублей, а мне холопу твоему ничего не дано»³⁷. В 1667 г. «пушечного дела мастер Ермола Федоров в поднос зделал 2 пушки винтованных, длиною по 4 аршина ядром в гривенку. Золотил и серебрил он же Ермола и то золото и серебро потерял, золотил худо. Золотили вновь Григорей Вяткин да Василий Титов»³⁸. В феврале 1668 г. Григорию Вяткину и Василию Титову было выдано шестьсот листов сусального серебра – вновь «серебрили и золотили две пушки немецкия»³⁹. В марте у торговых людей купили еще несколько тысяч листов сусального золота «золотить железные винтовальные пушки в подношение великому государю». «И то золото для золочения пушек винтовальных отдано ствольного дела мастером Григорию Вяткину да Василию Титову с товарищи»⁴⁰. В 1674 г. Григория Вяткина и ряд других мастеров наградили соболями за золочение 12 пушек и 12 бердышов, «которые были на выезде против сибирских послов». Вяткин получил в награду две пары соболей, ценою одна в пять, другая в шесть рублей⁴¹.

Неотъемлемой частью профессиональных обязанностей мастеров Оружейной палаты помимо «приказных» (собственно оружейных дел) были и «верховые дела» – всевозможные работы во дворце. Многочисленные приказные документы и записи в приходо-расходных книгах Оружейного приказа указывают на то, что именно ствольными и замочными мастерами Оружейной палаты выполнялся весьма значительный объем работ по золочению и серебрению самых разных вещей, в том числе и сугубо бытовых, а также предметов роскоши, предназначенных для самого государя и членов его семьи⁴².

Необычно распоряжение от 4 февраля 1661 г.: оружейному Богдану Матвеевичу Хитрову было предписано прислать на Казенный двор к боярину Илье Даниловичу Милославскому «иконника Си-

мона Федорова (Упакова. – Прим. авт.), да оружейного дела мастера Григорья Вяткина, да Василья Титова для заводу манетнова дела»⁴³. Вероятно, речь шла о попытке организации чеканки в России монет крупных номиналов. Симону Ушакову предстояло создать эскиз будущей монеты, а Г. Вяткин и В. Титов должны были резать монетные штемцеля – маточники. Проект не был реализован, и видимо, как денежный мастер Григорий Вяткин не состоялся⁴⁴.

Для биографии мастера большое значение имеет вопрос об оплате его труда на протяжении службы. По величине оклада и динамике его изменения можно судить об оценке администрацией профессиональных качеств ремесленника, о его карьере и статусе среди других мастеров Оружейной палаты. В приказной выписи 1649 г. содержатся сведения о первом повышении жалованья мастера: «И в прошлом во 151-м (1642/43) году по указу блаженные памяти великого государя [м.т.] Михаила Федоровича прибавлено ему Григорью к прежнему окладу денег 2 рубли, хлеба 2 чети ржи овса тож. И учинен ему оклад с прибавкою, денег 12 рублей хлеба 14 чети ржи, овса тож»⁴⁵.

Челобитые Г. Вяткина о прибавке жалования 1649 г. имело успех, 26 декабря «сей выписки боярин и оружничий Григорей Гаврилович Пушкин слушал и приказал Григорью Вяткину к прежнему иво окладу прибавить денег три рубля, хлеба четь ржи, овса тож». Таким образом, оклад Г. Вяткина составил 15 рублей и 15 четей ржи и овса. Вероятно, единственным русским мастером, кому он уступал на тот момент по сумме оклада, был знаменитый Никита Давыдов, получавший в год 20 рублей и 15 четей ржи и овса⁴⁶.

Нового повышения окладов мастера дождались в 1654 г. Согласно памяти от 19 февраля велено было учинить прибавку «Миките Давыдову, Григорию Вяткину по пяти рублей человеку...»⁴⁷ Таким образом годовое денежное жалованье Григория равнялось 20-ти рублям, уступая лишь 25 рублевому окладу Н. Давыдова. Сведения об очередном повышении окладов мастерам относятся к 1656 г. В феврале прибавку к годовым окладам по 5 рублей получили «латной и самопальной мастер Микита Давыдов, ствольные мастера Григорий Вяткин, Василей Титов»⁴⁸.

Беспрецедентное повышение жалованья ожидало Г. Вяткина в 1662 г. Согласно приказной выписке, 2 апреля «по имянному вели-

кого государя [м.т.] Алексея Михайловича указу Оружейной палаты розных дел мастеровые люди Микита Давыдов, Григорий Вяткин с товарищи были у его великого государя у руки, с приказными новыми подносными делами. И великий государь ... пожаловал мастеровых людей Григорья Вяткина, Василья Титова, Евтифея Кузовлева – велел им учинить своего государева годовова денежного жалования к прежним их денежным окладам: Григорью Вяткину к дватцати пяти рублем – дватцать пять рублей. Василью Титову к дватцати рублем – десять рублей. Ефтифью Кузовлеву к пятнадцати рублем – пять рублей... дать жалованья сполна и сей государев указ о прибавке записать в книгу»⁴⁹. Следует обратить внимание на то, что хотя Никита Давыдов был написан первым в числе мастеров, бывших у руки государя на Пасху, в распоряжении об увеличении окладов его имя не упомянуто. Данное обстоятельство связано с преклонным возрастом Давыдова и отсутствием за ним каких-либо «подносных дел». Впрочем, и в 1662 г. заслуженный мастер не был вовсе оставлен без поощрения. В марте по именному великого государя указу «к празднику Христову Воскресению Миките Давыдову за *прежние приказные дела и для ево старости* [сделать] однорядку вишневою кармазинную с пугвицы серебряными золочеными, да ферези камчатые з завязки»⁵⁰. С 1662 г. и до смерти Григорий Вяткин занимает место «первого», наиболее высокооплачиваемого русского мастера Оружейной палаты.

Роспись 1668 г. дает более полную информацию о жалованье мастера. Григорий Вяткин получал в год: «50 рублей, хлеба ржи и овса 50 четей, денежного корму в год 14 рублей 20 алтын, да за дворцовой корм 30 рублей. Всего 94 рубли»⁵¹. Спустя почти 20 лет денежное жалованье Григория Вяткина изменилось незначительно. Согласно выписке 1687 г., мастер получал в год: «55 рублей, корму по 8 денег на день итого 14 рублей 20 алтын, за дворцовый корм и питье 30 рублей. Всего 99 рублей 20 алтын»⁵². Следует учитывать, что окладные росписи не отражают разного рода многочисленные денежные и натуральные пожалования, часть из которых носила регулярный, а часть экстраординарный характер и которые составляли существенную часть дохода мастеров.

Неверно было бы оценивать уровень благосостояния мастеров исходя исключительно из размера их жалованья на государственной службе. Для мастеров Оружейной палаты нормой было наличие домашней мастерской и значительную часть работы они выполня-

ли у себя на дворах. Нет сомнений, что наряду с казенным делом ремесленники делали оружие по частным заказам и на продажу. Возможность работы «на сторону» в свободное от службы время, по всей вероятности, воспринималась как абсолютно естественная и самими мастерами, и администрацией. Более того, временная потеря такой возможности рассматривалась как повод для экстренного обращения к начальству. В марте 1664 г. государю бил челом «куячный мастер» Савка Савостьянов сын Панков. Савка просил о незамедлительной выплате ему кормовых денег, поскольку «работаю я холоп твой куючное дело безпрестанно днем и ночью пятую неделю... а на сторону зделать ничево не мочно». Просьбу мастера удовлетворили⁵³. Мастерские могли располагаться не только на дворах оружейников. Согласно росписи 1641 г., в различных частях города находились отдельно стоящие кузницы, принадлежавшие мастерам Оружейной палаты, Пушкарского приказа, Денежного двора, несколько мастеров трудились в кузнях людей разных чинов, как наемные работники⁵⁴.

Об уровне благосостояния Григория Вяткина и его заработках на стороне мы можем составить некоторое представление благодаря крайне неприятному для мастера эпизоду. В 1663 г. Григорий подал челобитную следующего содержания: «...генваря против 12 числа в почи бежал от меня... ученик мой, родом поляк магилевец Митька Иванов». С собой беглец прихватил сколько смог имущества своего наставника – «животишка, денег и платья, и всякия рухледи», а также «великого государя пару пистолей оправную, позолочены», над которыми Григорий работал у себя на дворе. Всего беглец унес с собой имущества самого Вяткина на колоссальную сумму – тысячу рублей. Возможно, мастер и несколько преувеличил сумму ущерба, хотя практического смысла это не имело. Г. Вяткин не просил у государя компенсации или материальной помощи, а оправдывался в утрате казенного имущества и просил разослать по городам грамоты о поимке Митки. В деле присутствует отпуск грамоты к смоленскому воеводе, содержащий распоряжение о задержании Митьки Иванова и его словесный портрет⁵⁵.

Где именно находился двор Григория Вяткина в 1663 г., мы не знаем. Во всяком случае, в переписи Бронной слободы он не упомянут⁵⁶. Согласно Переписной книге, в 1669 г. двор «государевы Оружейные палаты мастера Григория Вяткина» находился в черте Белого города в Веденском переулке (ныне не существует), что у

Большой Сретенской улицы⁵⁷. Сейчас это район между улицами Большая Лубянка и Рождественка.

Огромный интерес представляет роспись украденных «животов». Денег Григорий Вяткин потерял 80 рублей серебром. Сумма немалая, учитывая, что дело происходило в разгар инфляционных процессов, связанных с падением курса медной монеты. Из платья Г. Вяткина Митька унес с собой: «Кафтап теплой соболей под камкою красною, пугвицы серебряные на обшивочное дело золочены на золотом снурке. Кафтап жолтой дорогильной, пугвицы серебряные золочены гладкия на шелковом снурку. Кафтап лосишпой, полы подбиты лазоревой тафтой, пугвицы серебряные на шолковом снурку. Две шапки одна багрецовая сукно вишневое с искрою, другая с соболем сукно сахарной цвет»⁵⁸. Как мы видим, Григорий Вяткин был изрядным щеголем. Возможно, часть платья была им получена в награду за службу в Оружейной палате. Кроме казенной пары пистолей, Митька взял принадлежавшие самому Вяткину «пару пистолей двойных, стволы перевертныя, замки бараборския, наболдашники дерево черное, станки ореховые, ольстра черныя отворот бархат зеленой. Чекап польскова дела резной. Пара пистолей стволы граненыя замки бараборские с порескою станки ореховыя, тесьма шолковая зеленая, крюки серебряные позолочены. Нож красного железа припо[и] серебряные черен рыба кость»⁵⁹.

Из описаний явствует, что с большой долей вероятности часть похищенного оружия имела иностранное происхождение. Скорее всего, Григорий Вяткин сочетал внеслужебную производственную деятельность с торгово-посреднической. Последняя предполагала наличие деловых связей как с поставщиками иностранного оружия, так и с потенциальными покупателями. Не исключено, что Г. Вяткин не только искал покупателей и перепродавал им иностранный товар, но и сам дорабатывал его – украшал резьбой, насечкой, золочением, повышая декоративность оружия и его цену. Платежеспособный спрос на редкое и дорогое оружие, в том числе иностранное, в Москве присутствовал постоянно. Среди представителей московской знати многие располагали собственной богатой оружейной казной⁶⁰. Положение «первого мастера» Оружейной палаты должно было немало способствовать успеху рыночной деятельности Григория. Услугами Г. Вяткина как посредника пользовалась и казна. В июне 1662 г. было «взято по цене у мастера у Григория Вяткина в дары х кизылбанскому (персидскому. - Прим. авт.) шаху

пара пистолей немецкого дела, на серебряные деньги в тридцать рублей»⁶¹.

Важнейшей стороной деятельности Григория Вяткина в Оружейной палате было наставничество. Существенные лакуны в сохранности документации Оружейного приказа едва ли позволяют установить точное число и имена всех учеников этого мастера. Самый ранний из выявленных документов, относящихся к деятельности Г. Вяткина, уже содержит сведения о его ученике. В своей челобитной, помеченной 23 ноября 1649 г., Григорий пишет: «По указу... отца твоего, великого государя [м.т.] Михаила Федоровича, велено нам мастером учить учеников хто чему умест. И я холоп твой тебе государю выучил ученика чему сам умею самопальному делу Ваську Титова»⁶². Если мастер действительно взял ученика по указу царя Михаила Федоровича (а не просто сослался на него), то срок ученичества Василия Титова должен был быть весьма солидным – не менее четырех с половиной лет.

В январе 1660 г. государю бил челом «Оружейной палаты Григория Вяткина ученик Ивашка Костентинов» – «пожалуй меня сироту своего, вели государь мне быть в Оружейном приказе у твоего великого государя ствольного дела в мастерах». Иван был принят в Оружейную палату с относительно высоким годовым окладом: деньгами 12 рублей, ржи и овса 12 четей и поделным кормом в 3 деньги⁶³.

Замечен значительный перерыв с 1650 г. по 1660 г., на протяжении которого не удалось выявить никаких упоминаний об учениках Григория Вяткина. Возможно, и в начале 1650-х гг. у мастера был ученик (или ученики), но едва ли Григорий успел бы их доучить – началась война. С государственной походной оружейной казной Григорий побывал последовательно в Смоленском, Вилениском и Рижском походах царя Алексея Михайловича. Пока на западе шли боевые действия, Москва в 1654 г. была охвачена чумой. Вновь взять кого-то себе в обучение Григорий Вяткин мог лишь по возвращении, не ранее начала 1657 г. Вероятно, в это время и был принят «в научение» вышеупомянутый Иван Константинов.

Начало 1660-х гг. отмечено активной наставнической деятельностью Вяткина. В столбцах Оружейного приказа присутствует запись от 3 апреля 1662 г. о пожаловании «Григорьеву ученику Вяткина Игнатке Прокофьеву»⁶⁴. Служебная биография Игната в

качестве мастера Оружейной палаты началась нестандартно. 18 июня 1662 г. по государеву указу И. Прохоров был послан «за его великого государя оружейною поминочною (подарочною. – Прим. авт.) казною в Персидское государство к шахову величеству с великими послами»⁶⁵. Путешествие Игната было весьма продолжительным – «полчетверта (три с половиной. – Прим. авт.) года»⁶⁶. По возвращении он успешно трудился в Оружейной палате. В росписи пасхального подноса 1666 г. написана нарезная пицаль «недомерок» его работы⁶⁷.

«170-го (1662 г.) мая 13 день бил челом великому государю [м.т.] Алексею Михайловичу словесно, сказался немчин Куканууского уезда Митькою зовут Тарасов сын. А в Оружейной палате перед окольным и оружничим Богданом Матвеевичем Хитрово в челобитье своем сказал: “Живет он Митька на Москве во дворе боярина Ильи Даниловича Милославского лет с шесть, и ... отдал он Митька на посольский двор Свийским послам. И он де Митка в немецкую землю идти не похотел для того, что он Митька крестился в православную Христианскую веру на Москве ... и что б государь его Митьку пожаловал, велел быть ему в Оружейной Палате в мастеровых людех и отдал бы иво в ученики ствольному мастеру Григорью Вяткину”». Челобитье М. Тарасова было крайне благожелательно принято администрацией⁶⁸. Столбцы делопроизводства Оружейной палаты свидетельствуют, что в 1662–1663 гг. в обучении у Григория Вяткина вместе с М. Тарасовым находился еще один ученик – иноземец, выходец из Могилева – Митька Иванов⁶⁹.

Григорию Вяткину удалось крайне эффектно обставить представление в Оружейной палате своих учеников весной 1663 г. Их изделия были включены в состав пасхального подношения государю. «А в нынешнем 171-м (1663) году апреля в 21 день Григорий Вяткин привел в Оружейную палату сына своего Афонася и великому государю челом ударил в мастеровья. А с ним принес в поднос ... сына своего Афонася дело пицаль винтованная ствол о 4-х винтах по местом травы высечены и золочены, замок пикотцкой травчатой весь золочен же, станок чипрасовой оправа прорезная железная золочена на белом серебре. Да Григорей же Вяткин привел и великому государю челом ударил учеником своим Митькою Тарасовым. А с ним принес сво Митькино дело карабиной ствол о 8-ми винтах по нем сечены травы, золочен в 4-х местех»⁷⁰.

В Переписной книге Брошней слободы 1663–1665 гг. на правой стороне Константиновской улицы записан «двор Фролка Архипова, государева стапочника, у него сын Мишко — померли в Моровое поветрие. А ныне тем местом владеет Григорья Вяткина ученик Юрка. А по скаске старожилов ...учел жить на том месте сентября с 1-го числа нынешнего 172-го году, дан де ему тот двор по государеву указу из Оружейных палаты»⁷¹. Никакими другими сведениями об ученике Григория Вяткина по имени Юрий мы не обладаем.

Столь интенсивная наставническая деятельность Вяткина должна была высоко цениться его начальством. К 1663 г. администрация Оружейной палаты осознала угрозу утраты «мастерства» русскими людьми. Вероятно, сказались кадровые потери 1640-х гг. и последствия московского «морского поветрия» 1654 г. Не оправдались в полной мере надежды, возлагавшиеся на «польских» мастеров — ремесленников из Смоленска, Витебска, Полоцка, Могилева, Быхова, Шклова и Вильно, в большом числе переведенных в Оружейную палату в 1656–1660 гг. Уровень квалификации многих из них оказался весьма невысоким⁷². Те же что обладали «добрым мастерством», не горели желанием брать себе русских учеников. Итогом озабоченности администрации Оружейного приказа стал царский указ: «В нынешнем во 172-м году (1663) по ябрю в 20 день по государеву [м.т.] Алексея Михайловича указу велено для пополнения русских мастеровых людей, отдать Оружейной Палаты мастеровым людям учеников, приискав из русских людей для того, многие русские мастеровые люди самых надобных и мудрых дел устарели и одинаки. А иные и есть, да поляки, а учеников у себя русских не держат. И что б впредь всяких мудрых дел были русские мастера»⁷³.

В росписи 1668 г. из шести человек мастеров ствольного дела четверо бывшие ученики Григория Вяткина (Василий Титов, Афанасий Вяткин, Иван Константинов и Игнатий Прохоров)⁷⁴.

В конце 1669 г. государю бил челом с просьбой о пожаловании на платье «Оружейные палаты ствольного дела мастера Григорья Вяткина ученик Куприянка Осинов. По твоему государеву указу отдай я... в Оружейную палату к мастеру к Григорию Вяткину и работаю я, ...тебе великому государю третей год безпрестанно». По отзывам самого Вяткина: «Ученик сво Куприянка... против своей братьи учеников мастерством своим стоит»⁷⁵. (В документах Оружейного приказа Куприян назван то как Осинов, то как Келарев⁷⁶.)

Нет информации об учениках мастера в 1670-е и 1680-е гг. Столь резкий контраст между активной наставнической деятельностью Григория Вяткина в 1660-е и последующие годы может объясняться не только утратой документов. Эстафета по подготовке новых профессиональных кадров для Оружейной палаты переходит к бывшим ученикам Григория. Известно, что В. Титов и И. Константинов обучали собственных учеников уже в первой половине 60-х гг.⁷⁷ В 1672 г. два ученика Андриюшка и Матюшка Семеновы (возможно, братья) уже проходили обучение ствольному и замочному делу у сына Григория — Афанасия Вяткина⁷⁸.

В наставнической деятельности Григория Вяткина не обошлось и без досадных эпизодов. В январе 1663 г. со двора Григория Вяткина, обокрав своего мастера, бежал ученик могилевец Митька Иванов⁷⁹. Не всегда благополучно складывались обстоятельства у бывших учеников Григория Вяткина после их поступления мастерами в Оружейную палату. Другой иноземный ученик Г. Вяткина «свейской земли немчин» Митька (Никита) Тарасов, зачисленный в мастера в 1663 г., проработал в дворцовых мастерских недолго. Выписка 1666 г. гласит: «И в Оружейном приказе папример выписано, Григорьевы ученики Вяткина: Иван Константинов, Никита Тарасов... И Иван Константинов ныне у дела в Оружейной палате по прежнему, а Никита Тарасов в прошлом во 173-м (1664/65) году пропал без вести»⁸⁰. В целом же наставническую деятельность Г. Вяткина можно оценить как чрезвычайно успешную. Большинство его учеников становятся первостатейными мастерами и многие годы работают в Оружейной палате.

Термин «главный мастер», или «первый мастер» Оружейной палаты является не историческим, а авторским и впервые был введен в статье Ю.В. Арсеньева применительно к Никите Давыдову⁸¹. «Главный мастер» получал больше всех жалованья, и его имя стояло первым во всякого рода росписях государевым оружейным мастерам. Вместе с тем старшинство никак не было зафиксировано официально и формально никакой административной власти не давало.

Применительно к Г. Вяткину можно с уверенностью сказать, что он пользовался авторитетом среди мастеров, значительную часть из которых (ствольного и замочного дела) составляли его бывшие ученики. Именно он представлял интересы мастеров перед адми-

нистрацией – от имени Григория Вяткина «с товарищи» подавались коллективные челобитные всех мастеровых людей Оружейного приказа (например, о жалованье). Ко мнению «первого мастера» прислушивалось начальство Оружейной палаты. Разного рода консультации составляли часть его профессиональных обязанностей «первого мастера». Известно, что Григорий Вяткин осматривал и оценивал вещи, предложенные для приобретения в государственную оружейную казну. На основании росписи, составленной с его слов, оружничий Б.М. Хитрово рсшал, какие вещи купить, а какие «в государеву казну взять не пригодится»⁸². Григорий Вяткин и ряд других ведущих мастеров разных специальностей вносили свой вклад в финансовое планирование деятельности Оружейного приказа. Объемы материалов, необходимые для выполнения разного рода работ, и суммы на их приобретение определялись администрацией со «сказок» мастеров, которые они давали порознь, «по Евангельской заповеди» – то есть под присягой. Точная информация была необходима, «что б вперед государеве казне учинить прибыль, а мастеровым людям на те дела вместо денег давать железом»⁸³.

Григорий Вяткин был материально ответственным лицом. Ему постоянно выдавались подотчетные материалы (часто драгоценные), деньги на их приобретение, средства на снасти и пр. Причем речь шла не только о вещах, которые Григорий делал лично, но и тех, что он делал «с товарищи», то есть о коллективных работах, выполнявшихся в Оружейной палате и за ее пределами⁸⁴. При этом можно с уверенностью говорить о том, что письменной грамотой Вяткин не владел. На протяжении всего немалого срока службы «в Григория место» или «по его велению» в документах прикладывал руку кто-то из мастеров, подьячих или самопальных Оружейной палаты.

Насколько позволяют судить выявленные источники, на протяжении всей своей карьеры Григорий Вяткин имел безупречную профессиональную репутацию. Не известно ни одного случая, когда его деятельность вызывала какие-то нарекания (ни по качеству исполнения, ни по срокам, ни по финансовой отчетности). Следует отметить, что и в целом отношения мастеров с администрацией во второй половине XVII в. развивались вполне благожелательно. Небольшое денежное жалованье русских мастеров компенсировалось наличием хлебного оклада, а также разного рода натуральных и денежными дачами. В тяжелом материальном положении или

в случае «пожарного разорения» администрация ведомства приходила на выручку своим специалистам. Разумеется, у обеих сторон периодически возникали поводы для взаимных претензий, однако серьезных конфликтов долгое время удавалось избегать.

Гром грянул в 1667 г., когда общее количество невыполненных в срок работ по Оружейной палате превысило критическое значение. Был составлен полный список всех мастеров, русских и иноземцев. Напротив каждого имени была указана мера воздействия, степень жесткости которой, определялась величиной задолженности. У мастеров, чьи долги были не очень большими, было велено относительно деликатно работу спрашивать. В более серьезных случаях должное было велено «править», «доправить», «доправить тотчас» и даже «править без пощады». В отношении замочного мастера Федора Алаторца записано было: «Доправить замки против книг, для того что он многое время гулял»⁸⁵. Едва ли речь шла об экзекуции, мастеров не били, а использовали меры финансового воздействия – штрафы и вычеты из окладов. И позднее у ряда оружейников велено было «за недоделку вычитать из государева жалованья»⁸⁶. Впрочем, это была не самая жесткая мера в арсенале администрации. Для нечувствительных к финансовым санкциям применялось крайнее средство принуждения – они должны были «дела делать сковану», – предположительно, окованными по ногам⁸⁷.

Относительно немногочисленной была группа мастеров Оружейной палаты, полностью выполнивших все свои обязательства и свободных от каких-либо претензий со стороны начальства. Первым в этом разделе росписи фигурировал Григорий Вяткин с пометкой «Дело есть, в книге записано»⁸⁸.

В Оружейной палате Вяткин прослужил более 50-ти лет. В 1688 г. государям Иоанну и Петру Алексеевичам бил челом ствольного и замочного дела мастер Афанасий Вяткин. «Февраля в 11 числе волею Божию отец у меня холопа вашего, тое ж Оружейные Палаты мастер Григорей Никитич сын Вяткин умре. А ... в Оружейной палате работал до смерти своей многие годы». На погребение Григория государи пожаловали 10 рублей⁸⁹. Место «первого мастера» после отца переходит к Афанасию Вяткину.

К сожалению, профессиональная биография А. Вяткина сложилась менее удачно, нежели у отца. На его долю выпало стать свидетелем упадка московской Оружейной палаты. В 1711 г. большинство мастеров и приказных были переведены в Санкт-Петербург.

Из 163-х штатных служащих Оружейной палаты в Москве были оставлены только 37 человек. Из них на протяжении последующих двадцати лет 25 человек были взяты из Оружейной палаты в различные коллегии и канцелярии или умерли⁹⁰. Комментируя содержание прихода-расходной книги денежной казне Оружейной палаты за 1714 г. исследователь А. Викторов пишет: «Расходных статей... очень немного. Оружейных работ почти нет. Единственный мастер по этой части, старик Афанасий Вяткин занимается не выделкою, а только чисткой оружия»⁹¹.

¹ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16.

² Гордеев П.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

³ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 2. М., 1976.

⁴ Она же. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.

⁵ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1886.

⁶ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках... С. 25.

⁷ Передко в своих челобитных мастера несколько преувеличивали срок своей службы, округляя его до ближайшей впечатляющей цифры.

⁸ См.: Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. АН СССР. Т. 27. М., 1948. С. 67–95.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 9–15.

¹⁰ Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске. Л. 25, 27, 29.

¹¹ Там же. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 16.

¹² Там же. Д. 5444. Память в Казенный приказ о пожаловании рейтарского строя... Л. 1.

¹³ Викторов А. Описание записных книг... М., 1883. Вып. 2. С. 424–426; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. О выдаче Оружейной палаты мастерам людям жалования. Л. 88.

¹⁴ Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. С. 412.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7274. О выдаче сукон за участие в рижском походе... Л. 2.

¹⁶ Там же. Память в Мастерскую палату, по чему мастерам людям... Л. 1–3.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 946. Приходная и расходная книга Оружейной палаты 1656 г. Л. 18, 25.

¹⁸ Не следует путать «самопальных мастеров» и просто «самопальных» (в документах также встречается термин «самопальные стрельцы»). Последние явля-

лись стрелками, состоявшими при Оружейной палате. В их обязанности входили огневые испытания и пристрелка изготовленного в Оружейной палате оружия, а также исполнение разного рода ответственных посылок и поручений. Самопальные получали немалый по меркам Оружейной палаты оклад: 14 р. в год и по 17 четей ржи и овса.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5762. Челобитная Григория Вяткина с товарищами... Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 7274. О выдаче сукон за участие в рижском походе... Л. 3.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 947. 1657 г. Книга расходная государевой денежной казне нынешняго 165 году... Л. 114 об.

²² В некоторых документах содержится уточнение «ис Передней». (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10260. Л. 11; Д. 10897. Роспись подносным вещам 1667 г. Л. 8.)

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7596. О пожаловании мастеров Оружейной палаты за подносные дела 1661 г. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Д. 8725. Столп, а в нем роспись мастерам и оружию сделанному государю в поднос на Пасху. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 9035. О сделании к государевым бутурлыкам... Л. 1–2.

²⁶ Там же. Д. 9816. О сделании в Серебряной Палате в Оружейный приказ разных серебряных дел... Л. 5.

²⁷ Там же. Д. 10743. О сделании серебряной оправы... Л. 1, 2 об.

²⁸ Там же. Д. 10897. Роспись подносным вещам 1667 г. Л. 1–2.

²⁹ Там же. Д. 12156. О даче из Оружейной палаты разных дел мастеровым людям денег... Л. 156, 157, 187.

³⁰ Инв. № ОР-124. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 102–103, 320.

³¹ Государева Оружейная палата. С. 320–322.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 960. Книга прихода и расходная Оружейной палаты 188 г. сент. с 1 по 1 189 г. Л. 462, 462 об.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 13799. Выписки, по коим выдано было денег мастерам и торговым людям. Л. 9.

³⁴ В документе 1680 г. про змеиные головы написано «клеишны» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 19411).

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 15369. О покупке разных материалов... к змеиному делу... Л. 1–2.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 21933. О покупке разных товаров для Оружейной брони которые велено делать для встречи Свейских послов. Л. 9, 24, 32, 35.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной Палаты жалования. Л. 39.

³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 11823. Роспись Оружейные полаты мастерским делам... Л. 7.

³⁹ Там же. Д. 951. Книга приходная и расходная золоту и серебру... Л. 19 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. 11295. О выдаче денег на покупку товаров... Л. 1, 71.

⁴¹ Там же. Д. 14819. Память о пожаловании Г. Вяткина и В. Титова и Б. Крыгара за пушечное дело соболями. Л. 1–2.

⁴² См. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Книга приходная и расходная золоту и серебру...

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 7405. О взятии Симона Федорова и оружейного дела мастеров Григория Вяткина и Василия Титова для заводу монетного дела в Казенный приказ. Л. 1.

⁴⁴ См. Зверев С.В. К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никол и его время: Сборник научных трудов. Труды ГИМ. Вып. 139. М., 2004.

- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 9–10.
- ⁴⁶ Там же. Л. 11–12.
- ⁴⁷ Там же. Д. 5142. О выдаче мастерам Оружейной палаты денежного и хлебного жалования. Л. 5.
- ⁴⁸ Там же. Д. 5653. О выдаче мастерам Оружейной палаты прибавочного жалования. Л. 16, 24, 33.
- ⁴⁹ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования... Л. 35, 36.
- ⁵⁰ Там же. Д. 7731. О сделании к Казенном приказе и присылке в Оружейную палату... Л. 1; Д. 7755. Челобитная о даче Оружейной палаты разным мастером государева жалования. Л. 3–4.
- ⁵¹ Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... и что им жалования. Л. 5.
- ⁵² Там же. Д. 25386. Челобитная Григория и Афанасия Вяткиных о денежном жаловании и кормовых деньгах. Л. 2.
- ⁵³ Там же. Д. 8893. О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты. Л. 123, 126.
- ⁵⁴ Там же. Роспись кузнецам и кузницам в Москве в 1641 году // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. С. 1155–1163.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 1–3.
- ⁵⁶ Переписная книга Бронной слободы 1663–1665 гг. // Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010.
- ⁵⁷ Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. М., 1886. С. 24.
- ⁵⁸ Там же. С. 6–7.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 7–8.
- ⁶⁰ Там же. Д. 8192. Роспись ратной сбруе, которая взята в казну после боярина Василия Ивановича Стрешнева; Д. 11849. Опись вещам оставшимся после боярина Ильи Даниловича Милославского; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева // ЧОИДР. М., 1900. Кн. 2. Смес. С. 13–16; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19450. О взятии в казну Оружейной палаты после смерти кн. Ивана Воротынского оружия...; Книги описания князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на из московском большом и загородном дворех, то за Никитскими вороты и привозных... // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 г....
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8079. О взятии по цене Оружейной палаты у мастера Григория Вяткина в дар кизылбалскому шаху пары пистолей... Л. 1–1 об.
- ⁶² Там же. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 13, 15, 18.
- ⁶³ Там же. Д. 7120. Челобитные мастеров Оружейной палаты о жаловании. Л. 10, 12, 14.
- ⁶⁴ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования. Л. 78.
- ⁶⁵ Там же. Д. 10086. Челобитная ствольного мастера Оружейной палаты Игнатия Прохорова... Л. 1–2.
- ⁶⁶ Там же. Л. 1.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 10260. Роспись подпосным вещам... Л. 1.

- ⁶⁸ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования. Л. 37–38.
- ⁶⁹ Там же. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика могилевца... Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Д. 8724. Челобитные мастеров Оружейной палаты о жаловании. Л. 18.
- ⁷¹ Переписная книга Бронной слободы 1663–1665 гг. // Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. С. 128.
- ⁷² См. Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893. О жаловании мастеров Оружейной палаты. Л. 55.
- ⁷⁴ Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... и что им жалования. Л. 5–12.
- ⁷⁵ Там же. Д. 12491. Челобитная ученика мастера Григория Вяткина... Л. 1, 4.
- ⁷⁶ Там же. Д. 15621. Роспись государеву жалованию... Л. 14, 15.
- ⁷⁷ Там же. Д. 8893. О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты. Л. 56; Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела. Л. 2; Д. 20224. Выписка о жаловании мастерам Оружейной палаты. Л. 3.
- ⁷⁸ Там же. Д. 13872. Челобитные и выписки о жаловании мастеров и учеников... Л. 49–50.
- ⁷⁹ Там же. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 1.
- ⁸⁰ Там же. Д. 10086. Челобитная ствольного мастера Оружейной палаты Игнатия Прохорова... Л. 6, 7.
- ⁸¹ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16.
- ⁸² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8051. Роспись ружью Христофора Рыльского... Л. 1–3.
- ⁸³ Там же. Д. 9579. Роспись что дается денег и материалов на стволы, на замки... Л. 1–25.
- ⁸⁴ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12165. О даче из Оружейной палаты разных дел мастеровым людям денег... Л. 64; Оп. 2. Д. 958. Книга приходо-расходная денежной казны Оружейной палаты 1677–1678 гг. Л. 315 об., 339.
- ⁸⁵ Там же. Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела... Л. 1–8.
- ⁸⁶ Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... и что им жалования. Л. 37.
- ⁸⁷ Там же. Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела... Л. 1–8.
- ⁸⁸ Там же. Л. 1.
- ⁸⁹ Там же. Д. 25795. Челобитная Афанасия Вяткина о выдаче денег на погребение его отца Григория Вяткина. Л. 1–1 об.
- ⁹⁰ К вопросу о составе и денежном обеспечении мастеров Оружейной и Мастерской палаты в 1711–1730 годах // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 6. М., 1989. С. 95–96.
- ⁹¹ Викторов А. Описание записных книг и бумаг... М., 1883. Вып. 2. С. 640.